

по следам громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 50 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений
Мойры сплели свои нити
Корень зла среди трав
Храм Темного предка

ХРАМ
ТЕМНОГО ПРЕДКА

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Храм Темного предка / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-200867-2

Сама Судьба преподнесла Екатерине Петровской и Гектору Борщову незабываемый свадебный подарок – расследование дела пропавшей экспедиции... В 1931 году профессор Велиантов и его друзья обнаружили грандиозную находку в горах Тянь-Шаня. Понимая всю важность открытия для мировой науки и опасность, грозящую экспедиции в тех диких тогда местах, профессор отправляет разным адресатам отрывочные записи, фотографии и... самое главное «доказательство». Произошло то, что предвидел ученый – экспедиция бесследно сгинула в горах.

Спустя почти сто лет загадочная смерть научного сотрудника Зоологического музея Елены Красновой и еще двух человек всколыхнули сведения о пропавшей экспедиции. Эти убийства расследует полковник Гушин, Катя Петровская и Гектор Борщов. А чтобы найти преступника и обнаружить то самое бесценное сокровище, сокрытое от людей почти столетие, им нужно отправиться на Тянь-Шань...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200867-2

© Степанова Т. Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Если ночь в горах застала, разведи большой костер,
Вместо дров меня брось, и я сгорю в огне.

*Билал Назым*¹

¹Билал Назым (1824–1899) — выдающийся уйгурский поэт
(Здесь и далее перевод его стихов Мурата Хамраева).

ГЛАВА 1

НЕДАЛЬНИЙ ВОСТОК. СИНЯЯ ПТИЦА

1931 г. Где-то на Тянь-Шане

— Дэв-хан, они уходят. Абдулла уводит своих людей, они говорят: после случившегося они не могут остаться. Их догадки темны и смутны. Они боятся тебя.

Дэв-хан проигнорировал слова помощника, своей правой руки и доверенного лица. Эмоции, эмоции... Его помощник взволнован и, кажется, тоже напуган. И не одобряет в душе его поступка. Дэв-хан неотрывно смотрел на Небесную гору. Отсюда на нее открывался прекрасный вид при любой погоде. За свои тридцать лет он не встречал зрелища более величественного и великолепного. Божественного! В вечернем воздухе разливалось некое невидимое, но остро осязаемое его обостренными чувствами волшебство — закатное солнце окрашивало пик совершенной формы в багрянец. На фоне остальных вершин Тянь-Шаня он напоминал царский рубин в драгоценной оправе.

В вечернем воздухе витали запахи хвои и крови.

Один из людей Дэв-хана наступил на труп китайца и поднял за косу его отрубленную голову. Показал трофей. Кровь пропитала чесучевую безрукавку китайца и надетый сверху ватник. Дэв-хан оторвался от созерцания горы, покосился на обезглавленное тело. Трупы убитых валялись на земле. Головы отсеки китайцам: пятерым кули-носильщикам, одетым в грязное тряпье, и проводнику — предателю в безрукавке из чесучи. Именно он вел экспедицию. Навьюченные скарбом лошади чужаков сбились в кучу и тревожно ржали, чуя запах мертвецов и крови. Люди Дэв-хана потрошили выюки, выкидывая на землю ящики с чучелами птиц, научное обо-

рудование, продукты, консервы и носильные вещи. Труп их главного начальника обыскивала лично младшая сестра Дэв-хана — пятнадцатилетняя Айнур.

Айнур — Лунный свет...

Она родилась ночью по дороге из Синьцзяна в Пекин под луной и получила от родителей имя в ее честь. Дэв-хан любовался своей ловкой и бесстрашной сестрой. «*В бирюзовом чапане с солнечным лицом ты явилась, как цветок, что в зарю вплетен...*¹ — строки Билала Назыма словно о ней написаны», — меланхолично думал он. Назыма почитал их отец, а они с сестрой с детства знали многие стихи великого поэта всех уйгуров наизусть.

На Айнур были голубой чапан (ватный халат, подпоясанный мужским кушаком), сапоги и шаровары; черные смоляные волосы она заплела в две тугие косы. Ее точеную головку украшала допа — расшитая шелком тубетейка, а за спиной через плечо болталась винтовка. Из нее она собственноручно застрелила их *главного*. Чужак даже не успел ничего понять, когда она внезапно появилась из зарослей арчи и, подобно газели, вскочила на валун у горной тропы, вскинула винтовку. Ее меткий выстрел выбил мозги из ученой головы чужака. А потом они застрелили всех остальных. Без всякой пощады.

Айнур достала из кармана суконного пиджака их главного очки и блокнот. Пиджак чужак носил по-городскому, прямо на шерстяной свитер, несмотря на июльскую жару. Он был уже в летах. А записки его на русском языке...

— Все надо сжечь дотла, брат, — деловито, совсем по-взрослому заявила пятнадцатилетняя Айнур — Лунный свет. — Трупы всех этих собак. Их вонючее барахло. Ящики, чучела птиц. Бумаги. Лошадей зарежем и тоже сожжем. От них вообще не должно ничего остаться — ни горстки пепла. Ведь экспедицию станут искать.

— Дым костра увидят из долины, — ответил сестре Дэв-хан.

— Решат — лесной пожар где-то в горах. Мы, уходя, подожжем окрестный кустарник, пепел потом развеем с гор, — от-

¹ Билал Назым.

ветила Айнур и вырвала из рук одного из членов отряда теплые кальсоны и ботинки чужаков. — Не смей брать! Брось! Нам их тряпок не надо. Мы не воры и не грабители. Все предадим огню!

— Ты сама пламя, сестра, — заметил с восхищением Дэв-хан. — Благодарю тебя за меткий выстрел и за смелость. Хороша, девчонка, а? — обернулся он к своему помощнику.

Тому перевалило далеко за сорок. Умный и осторожный, он пришел с Дэв-ханом с той стороны гор, из Китая. Он служил еще покойному отцу Дэв-хана. И знал некоторые тайны их рода.

— Хочешь ее в жены? — насмешливо спросил Дэв-хан помощника. — Я же не слепой.

— Шад¹, тебе ведомы мои чувства, ты всех видишь насквозь, — ответил тот, думая о поразительном сходстве брата и сестры — обоих небо наградило редкой красотой и умом, но поскупилось на доброту и милосердие.

Помощник часто называл его Шад — принц... И он не льстил Дэв-хану. Тот имел права на высокий титул по происхождению.

— Тогда оставайся верен мне. Не бери пример с глупца Абдуллы. Эй, Абдулла! — Дэв-хан окликнул вожака отряда местных басмачей, присоединившихся к ним месяц назад из корысти за деньги, а теперь позорно и трусливо бежавших прочь, когда дело дошло до главного. — Доброй дороги, друг! Не споткнись! Крепко держись в седле!

— Мне говорили умные люди: не связывайся с идолопоклонником даже за мзду, — ответил бородатый Абдулла-басмач в ватном халате. — Что ты натворил? Ученых начнут искать. Я рискнул головой сторонников — все ради тебя, идолопоклонника! А ты сам — чужак в здешних местах. Правверному мусульманину не по пути с тобой, Дэв-хан. Ты из Нижнего мира, шайтан — верны слухи о тебе! Ученые, которых ты прикончил, наблюдали за птицами — только и всего. Блаженные люди... Во многих кишлаках мои земляки их встречали гостеприимно. Они расспрашивали моих земля-

¹ Титул принца крови у тюркских народов.

ков о Синей птице, замеченной в горах. Они искали только ее. Птицу!

— Нашли. Здесь. На свою беду. — Дэв-хан указал на ящик с выброшенным из него на землю чучелом птицы, похожей на дрозда. В закатных лучах солнца ее перья сверкали словно сапфир — синим, небесным цветом...

Бородатый Абдулла-басмач махнул рукой — что с тобой говорить? Дэв-хан наблюдал, как его отряд садится на коней и уезжает.

— Абдулла, они все мертвы! — крикнул он вдогонку. — Никто из них ничего не расскажет, я заткнул им рты кровью и камнями! Гляди в оба, пусть твои люди не проболтаются! А то я доберусь и до вас. Ученый из Москвы, его помощник и фотограф — они отныне падаль, корм для грифов и волков... Пес-фотограф сдох. Собаки-кули китайские и проводник-шакал... Они — прах!

— Не все! — Абдулла обернулся, остановил коня. — Мальчишка сбежал, младший брат фотографа!

— Он ушел еще позавчера утром, — ответил Дэв-хан. — Его отослали домой с поклажей. Он не знает о случившемся с остальными. И он — глухонемой! Я не воюю с калекками. Мальчишка не поднимался сюда в горы, и он не сможет ничего никому рассказать, ведь Небо лишило его языка!

Абдулла ему не ответил. Когда отряд басмачей скрылся из виду, помощник снова обратился к Дэв-хану:

— Шад, Абдулла и его люди не поняли, к счастью, почему некие места в горах — запретная территория. И ты приносишь жертвы, ограждая ее от посторонних. Но они начнут распускать нелепые и зловещие слухи.

— Для них Небесная гора просто вершина в снегах, — ответил Дэв-хан. — Но не мне же объяснять тебе — что, почему и как. Для чего я иду на жертвы и убийства в общем-то невинных людей. Ученых.

— Ты сам все осознаешь, Шад. И мое сердце рвется в печали и тревоге за тебя. Ты не Абдулла, он из простых, родился в кишлаке. А ты учился в Бэйда — Пекинском университете, — слушал лекции по философии, много путешествовал. Но ты сейчас расстрелял целую экспедицию: двух русских

ученых и местного фотографа, носильщиков, проводника, разыскивающих Синюю птицу. На юге ее полно, но в здешних горах, говорят, она великая редкость. Если все откроется, тебя обвинят в варварстве и жестокости. Ладно, пусть с китайцами у нас свои давние счеты — твоего отца подло убили и обезглавили в Запретном городе, хотя он служил маленькому императору и регенту верой и правдой...

Помощник бросил взгляд на обезглавленные трупы китайских кули и проводника, на остальные тела. Всех убитых люди Дэв-хана начали обкладывать хворостом и валежником, готовя огромный костер. Пятнадцатилетняя Айнур командовала ими.

— Мы не варвары, — со страстью ответил Дэв-хан. — И мы не продажные бандиты, подобно Абдулле и его швали. Мы чужие? Наверное, да. Наша земля за синими горами. Но наш рассеянный народ живет и здесь. Мы — скитальцы... Так уж вышло, что великая тайна... бесценное сокровище моего рода скрыто по эту сторону гор. Веками наш род хранил ее. Разве не является запретным для досужих чужаков место моего предка? Стража Небесной горы? О, Великий, Темный... Только Тебе я служу и поклоняюсь! Отдам свою жизнь и всю свою кровь до последней капли за Тебя, мой Бесценный, без которого не было бы ни моих предков, ни меня, ни сестры, ни наших потомков...

Помощник сразу опустил глаза. Умолк. Когда Шад — его принц и хозяин — *«ставил на свой личный граммофон подобную заезженную пластинку»*, с ним было бесполезно спорить, что-то доказывать или возражать. Так его воспитали с детства. Они с сестрой с молоком матери всосали все это. Он фанатик? В какой-то степени — да. В самом крайнем своем проявлении, когда дело касается Небесной горы и тайны их рода скитальцев, потомков уйгурских принцев из Синьцзяна и Желтых уйгур, издревле почитающих Великого Темного предка.

Помощник представил Дэв-хана в Бэйда — Пекинском университете: этакий лохотенный европеизированный молодой человек с идеальным пробором, в визитке, брюках в полоску и лакированных туфлях. Со своими наложницами на вечеринках он танцевал танго и новомодный чарльстон. И сравнил его с Дэв-ханом нынешней ипостаси — в грязном чапане,

подбитом ватой, с «маузером», заткнутым за кушак, и винтовкой за спиной. Бедность и небрежность походной одежды лишь подчеркивали его мужскую стать. Кровь древнего рода наградила его красотой, но вместе с ней вселила в его просвещенную, жаждавшую знаний душу некое странное безумие, не поддающееся рациональному объяснению.

Ведь он и правда верит в то, о чем говорит с таким пафосом. Ради чего убивает столь жестоко и страшно.

Но это лишь сказка, темная, жуткая легенда!

Или все же правда?

— Никто больше не должен узнать о том месте, — твердо заявил Дэв-хан. — Никто. Никогда. И все останутся живы.

— А глухонемой братишка фотографа? — осторожно спросил помощник.

Дэв-хан лишь глянул на него. И отвернулся к Небесной горе.

На ее склоны идеальной пирамидальной формы уже наплывали клочья густого тумана. Но заходящее солнце освещало самый пик — словно утес облили свежей жертвенной кровью. И он смаковал ее соленый вкус...

Лучи солнца погасли.

И все окутало тьмой.

Помощник вспомнил байки старого шамана, накурившего травы-дурмана, колдуна из дальних степей, где обитают желтые уйгуры. Мол, именно в сумеречный пограничный час ОН, ТОТ, КТО ХРАНИТ НЕБЕСНУЮ ГОРУ, и выходит из тайного логова на свою лютую охоту.

ГЛАВА 2

НЕЗНАКОМЕЦ

Наши дни

— Они оба в его крови. Взгляните на них. Какие еще доказательства их вины в убийстве вам нужны?

К полковнику Гушину пафосно обращался начальник местного полицейского управления. Стояла тихая теплая сен-

тябрьская ночь. Пялилась луна — небесный фонарь. Другое освещение на старой бетонке, соединявшей подмосковные Липки с железнодорожной станцией Воробьевка, напрочь отсутствовало. Полицейским пришлось включить фары патрульных машин на месте происшествия. Причудливые тени метались вокруг — появлялись внезапно, множились, словно угрожая, и расточались в дым.

На обочине бетонки приткнулась старая ржавая «Лада». Возле нее в пыли лежал окровавленный труп.

Полковник Гушин никогда прежде не бывал в Липках. Место недалеко от Москвы, но сущая глухомань — заброшенные песчаные карьеры, маленькая станция, вокруг лишь закрытые склады и две грандиозные стройки новых жилищных комплексов в чистом поле. Дальние огни прожекторов и башенных кранов во тьме.

— Их застукали прямо на месте убийства, — продолжал местный начальник полиции. — Хорошо, я распорядился маршрут ночного патрулирования изменить и включить бетонку. А то бы тело до утра пролежало. Здесь вообще мало кто сейчас ездит из-за новой развязки с федерального шоссе к стройкам.

Полковник Гушин молча созерцал труп, возле которого хлопотали два местных криминалиста-эксперта. Гушин вечером возвращался из Наро-Фоминска с совещания, выезжать на происшествие в район он вообще не планировал — адски устал, голова трещала. Мечтал вернуться домой и завалиться спать. Сообщение об убийстве застало его в пути, он находился от Липок всего в десяти километрах. Его сразу оповестил дежурный по главку: убийцы задержаны с поличным — группа лиц. Причем среди них есть несовершеннолетние. Поэтому Гушин и решил отправиться в Липки лично.

— Жертва — гастарбайтер, мигрант, — убежденно вещал местный коллега. — Наверняка со стройки. И машина его — рывдан с ржавым кузовом. Правда, при нем никаких документов. Но видно же невооруженным глазом — мигрант-азиат со стройки! Среди ночи за бухлом рванул. И попался здешним щенкам. Они его прикончили ради забавы. Зарезали.

— У машины калужские номера, коллега, — заметил полковник Гушин.

— Ну и что? — Начальник полиции пожал плечами. — Федор Матвеевич, на стройках наших кого только нет, мигрант в Калуге пошабашил, потом к нам перелетел. Контингент мобильный.

Полковник Гушин отвернулся от самоуверенного подчиненного и шагнул к труп, нагнулся. В свете фар полицейских машин он видел перед собой мужчину лет за пятьдесят, азиатской внешности, смуглого, волосы темные с проседью. На лице его застыла маска страдания. Его одежда — летняя ветровка, рубашка и даже бежевые сатиновые брюки — потемнела от крови.

— У него два ножевых ранения, — сообщил Гушину местный криминалист-эксперт. — В спину, в область левой лопатки. И в шею, глубокая резаная рана.

Полковник Гушин надел резиновые перчатки, низко нагнулся. Начал осматривать кисти рук убитого.

— Что у него с пальцами? — спросил он эксперта.

— Сломаны на правой руке — средний и указательный, — эксперт рукой в перчатке тоже пощупал кисть жертвы.

— Подозреваемые могли ему причинить повреждения, защемив руку дверью машины? — спросил полковник Гушин.

— Затрудняюсь сказать, — честно признался эксперт.

— На следы пыток похоже, — тихо заметил Гушин. — Я уже видел подобное. Пальцы ломают жертве. Коллега, — он обратился громко к местному полицейскому начальнику, — посмотрите. Ни мозолей у него, ничего, указывающего на работягу-строителя. Кожа ладоней мягкая. Руки вполне интеллигентного человека.

— Они в рукавицах на стройке пашут, в перчатках. Мигранты ко всему приспособливаются, — отрезал недовольно начальник полиции. — Я не понял — что там про пытки, а?

— Давайте расстегнем ему рубашку, — попросил эксперта полковник Гушин.

Криминалист расстегнул пеструю хлопковую рубашку на груди убитого, и они сразу заметили следы жестоких побоев, а также неглубокие ножевые порезы.

— Били, ножом полосовали. — Начальник полиции, наклонившись над трупом, шумно сопел — ему мешал внушительный живот, перетянутый ремнем. — Федор Матвеевич, в салоне машины полно крови. Его именно там приканчивали задержанные моим нарядом ППС типы. Да вы с сотрудниками моими поговорите, сразу все вам станет ясно!

— Пока мне не все ясно, и я продолжу осматривать тело, — возразил полковник Гушин. — Обе раны, в спину и шею, жертве нанесли одну за другой одновременно или с определенным временным интервалом?

Криминалист глянул на Гушина, затем на начальника местной полиции — своего командира. Не зря полковник Гушин — высокое главковское начальство, шеф уголовного розыска — задает подобный каверзный вопрос.

— Поворачиваем тело, осматриваем рану на спине, — приказал полковник Гушин. — Раз-два взяли — аккуратно.

Они втроем — полковник Гушин и два эксперта — повернули тело на бок, задрали ветровку и рубашку.

— Могу определить сейчас визуально — рана на спине большей давности, чем на шее, — ответил эксперт. — Видите? На спине на краях раны кровь запеклась. Она темного, почти черного цвета. А из раны на шее при надавливании она все еще выступает.

— Обе раны, по сути, смертельны, — заметил полковник Гушин. — Проникающий удар ножом под левую лопатку, в область сердца. И глубокая резаная рана шеи, точнее горла, слева. Я думаю, сначала его ударили ножом в спину. И, возможно, не в машине. Где-то еще. Затем положили тело в салон, считая нашего незнакомца мертвым, однако нож сердца не задел. Потерпевший спустя какое-то время начал подавать признаки жизни. Тогда убийца ударил жертву ножом в шею. Пытался добить в салоне — отсюда обильные потеки крови на сиденьях и на полу. Но незнакомец наш умер опять-таки не сразу, он жил еще какое-то время. Возможно, у него сильный организм.

— Вы просто слышали вопли задержанных. Их наглуго ложь, — начальник местной полиции начал раздражаться. — Мол, они его не убивали, а хотели спасти. Чушь! Они уви-